

- 2 См.: Аванесова Е. Г. Религиозное измерение национализма // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2011. № 2. С. 60–62.
- 3 См.: Глухов А. П. Месседж национальной идентичности в медиуме рекламы // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия, социология, политология. 2010. № 3. С. 30–35.
- 4 См.: Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С. 124.
- 5 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 90.
- 6 См.: Вилков А. А. Указ. соч.
- 7 The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/National_Military_Strategy_2015.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 8 См.: The Guidelines for Japan-US Defense Cooperation. September 23, 1997. URL: www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/gideline2.html (дата обращения: 24.02.2016).
- 9 См.: Цисар Л. А. Проблемы определения понятия «национальная безопасность» в России и ее виды // Безопасность бизнеса. 2005. № 1. С. 28.
- 10 См.: Сергунин А. А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис. 2005. № 6. С. 126–137.
- 11 См.: Информационно-аналитический центр «СОВА». Комитет ООН по правам человека рекомендует России сузить определение экстремизма и соблюдать права человека в Крыму. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2015/04/d31680/> (дата обращения: 24.02.2016).
- 12 См.: Европейская Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. 1996. URL: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/1_AtGlance/PDF_Text_FCNM_ru.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
- 13 См.: Мукомель В. И. Национальная политика в регионах России: сравнительный анализ, позитивная практика // Федерализм. 2004. № 3. С. 35.
- 14 См.: О национальных отношениях на территории Волгоградской области: закон Волгоградской области от 13 сентября 2001 г. № 586-ОД. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/4383372/3711575/> (дата обращения: 24.02.2016).

УДК 328.36

ПОНЯТИЕ «ИСЛАМСКИЙ МИР» И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОЦЕССА ЕГО ПОЛИТИЗАЦИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhonov1962@mail.ru

В статье представлены основные трактовки понятия «исламский мир» и его изменения в результате миграционных процессов в условиях глобализации, рассмотрены основные факторы политизации проблемы «исламского мира» в западноевропейских странах и современной России.

Ключевые слова: «исламский мир», миграционные процессы, глобализация, политизация проблемы «исламского мира», политические последствия радикализации ислама.

The Concept «Islamic World» and a Global Context of its Politization

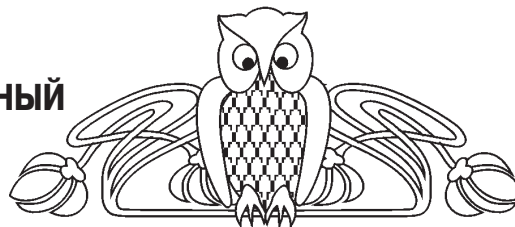
D. G. Mirzakhonov

This paper studies the main interpretations of concept «Islamic world» as well as its modifications as a result of migration processes in modern globalization. The author observes the crucial factors of politization of «Islamic world» in Western Europe and in Russia.

Key words: «Islam world», migration, globalization, politization of «Islam world», political consequences of the politization of Islam.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-222-226

Процессы глобализации по сей день не имеют единой трактовки и оценки. Ключевая причина заключается, прежде всего, в том, что они

настолько сложны и противоречивы по своим целям, содержанию и результатам, что не могут быть оценены однозначно. Особенно сложным представляется исследование глобального контекста процесса политизации исламского общества в постсоветской России. Не случайно, что данная проблема неоднозначно оценивается отечественными исследователями.

К. Ю. Труевцев, анализируя понятие «исламский мир» с точки зрения его ранга одного из мировых центров, акцент делает на том, что такое его понимание «довольно сомнительно». Несмотря на огромный человеческий потенциал мусульман (1 млрд 400 млн человек) и серьезные экономические и финансовые возможности, «это конгломерат совершенно разных по природе и уровню развития государств, не имеющих между собой ничего общего, кроме религии и некоторых традиций»¹. Главные аргументы – отсутствие интенсивных и результативных интеграционных процессов в исламских странах² и высокий уровень конфликтности межгосударственных отношений в исламском мире.

Поэтому автор предлагает подходить к проблеме исламского мира с другой стороны, рассматривая его как «ойкумену обитания мусульман». В этом смысле он предстает «не только и не столько местом обитания мусульман, сколько их мировой совокупностью, имеющей, разумеется, в том числе и геополитическое измерение. Тогда

в состав «исламского мира» попадут не только те страны, где ислам исповедует большинство жителей, но и все те районы мира, где мусульмане вообще представлены, включая и места их традиционного расселения..., и регионы новой и новейшей мусульманской диаспоры»³. Как представляется, такой подход к трактовке «исламского мира» как исламской уммы дает возможность глубже понять его специфику как субъекта глобализационных процессов и особенности его проявления в различных странах с наличием определенной доли мусульманского населения (в том числе и специфику политизации ислама в России). Тем самым проблема исламского мира выносится за рамки национальных государств и приобретает глобальные контуры, которые определяются не географическими границами, а социокультурными параметрами.

Такая трактовка методологически создает возможности для парадоксальных и противоречивых оценок глобальных последствий развития «исламского мира». С одной стороны, в рамках такого подхода мусульмане «переносят» и сохраняют свой мир вместе со своей верой, образом жизни, культурой, независимо от места своего сегодняшнего пребывания. Антиглобалисты видят в этом главную опасность для западноевропейской цивилизации и сложившейся системы национальных государств. По их мнению, в результате миграционных процессов в западноевропейских сообществах появляются мусульманские анклавные структуры, которые не усваивают нормы и ценности принявших их обществ, а начинают развиваться и укреплять свои позиции как самостоятельные социальные группы. С учетом высокого уровня рождаемости у мусульман и продолжающихся миграционных процессов удельный вес данных анклавов объективно будет увеличиваться. Тем самым неизбежно будут расширяться конфликтные зоны взаимоотношений мусульман с населением принявших их стран, обусловленные различиями социокультурных ценностей.

С другой стороны, понимание «исламского мира» как ойкумены обитания мусульман нацеливает на изучение причин того, почему они сохраняют свои ценности в иной цивилизационной среде.

Религиозное мировоззрение мусульман в данном ракурсе можно рассматривать не только как надэтнический и наднациональный фактор, который несет в себе потенциал разрушения существующей системы национальных государств с целью создания мирового халифата, но и как потенциал, который можно направить в конструктивное русло социально-политической и социально-экономической модернизации.

Это становится возможным, если процессы глобализации рассматривать не с позиций повсеместного распространения во всем мире либеральной политической, экономической и

культурной модели, а с точки зрения признания многовариантности социального прогресса. В этом случае переход США и западноевропейских стран к постиндустриальному уровню своего развития не будет единственным «маяком» для остальных стран.

События последних лет на Ближнем Востоке обусловили крайне противоречивое отношение к исламу как мировой религии. Успехи ИГИЛ в расширении своей территории, страшные кадры массовых казней, обошедшие телевизионные экраны во всем мире, показательные разрушения исторических памятников в Ираке, Сирии, Афганистане вызывают противоречивые чувства у большинства населения европейских стран. С одной стороны, в общественном мнении сторонники ИГИЛ воспринимаются как террористы, как сторонники возвращения к средневековому варварству. С другой стороны, большинству обывателей непонятно, почему вербовщики ИГИЛ находят благоприятную среду не только среди жителей мусульманских стран, сталкивающихся с серьезными социально-экономическими проблемами, но и среди мусульман вполне благополучных западноевропейских государств.

В связи с последними террористическими актами в Париже в 2015 г. и Брюсселе в 2016 г. у европейских обывателей закономерно возникает множество вопросов в отношении сущности самого ислама. Почему мигранты-мусульмане, получив доступ к западноевропейским ценностям и социальным благам, не испытывают не только элементарного чувства благодарности к принявшему их европейскому сообществу, но отрицают саму европейскую цивилизацию и сложившийся образ жизни? В чем причина такого антагонизма? Коренится ли она в нежелании утратить свою самобытность в результате признания либеральных ценностей? Либо в том, что ценности ислама несовместимы с западноевропейскими ценностями?

В зависимости от вариантов ответов на данные вопросы формируется переоценка и многих либерально-демократических ценностей. Насколько верной была политика открытости и толерантности западноевропейских обществ, которая и привела к появлению во многих европейских странах крупных мусульманских анклавов, не желающих (или не способных) интегрироваться в принявшие их сообщества на основе единых принципов и ценностей? Почему в ряде случаев эта интеграция была более или менее успешной, чем в других случаях? В чем коренится причина таких различий? В особенностях исповедуемого ислама, или в специфике политики принимающих государств?

В этой связи не случайным стало укрепление позиций правых политических сил в европейском сообществе и усиление разногласий различных его членов по вопросам миграционной политики. Об этом свидетельствует, напри-

мер, жесткая позиция руководства Венгрии в отношении приема мигрантов, несогласие правительств прибалтийских государств с теми квотами на прием мигрантов, которые они обязаны реализовать, напряженность в отношениях Греции с рядом приграничных государств по поводу дальнейшего перемещения мигрантов в глубь Европы, и многие другие противоречия.

Фактически те процессы глобализации, которые многими западными исследователями рассматривались как преимущественно позитивные сдвиги в архитектуре мировых отношений, показали свою оборотную сторону и вновь актуализировали проблему гармонизации совместного проживания представителей различных конфессий в рамках сложных сообществ суверенных государств и их союзов. Это особенно важно с учетом того, что в результате последних событий была подвергнута сомнению дееспособность модели мультикультурализма, которую пропагандировали последние десятилетия идеологи либеральной глобализации.

Усиливающаяся исламофобия в западноевропейских странах проявляется не только в укреплении правых националистических партий во Франции, Германии, Венгрии и многих других государствах, но и находит отражение в объяснении сущности ДАИШ (ИГИЛ) и его исламской основы.

По мнению директора Института международных исследований МГИМО В. В. Попова, «ислам имеет определенные особенности, которые отличают его от других вероучений: это всеохватывающий характер религии, которая является не просто мировоззрением, или идеологией, или сводом духовных ценностей, а она – образ жизни, поскольку всеобъемлюще регламентирует жизнь верующего. Во-вторых, это удивительная религия солидарности, которая объединяет всех правоверных, независимо от цвета кожи, национальной принадлежности и т. п. В-третьих, это – религия, ориентированная на равенство и социальную справедливость, поскольку в Коране содержится немало указаний на то, что истинный мусульманин может отличаться от другого не богатством, не знаниями, не опытом, не силой, а только благочестием. Простота и непротиворечивость устоев этой религии, ее способность дать верующим целостную и понятную картину мира, общества, устройства Вселенной, все это делает ислам притягательным для новых приверженцев. Ничто, кроме религии, не связывает марокканцев и индонезийцев, иранцев и малайцев. Ни в одном другом вероисповедании нет такого количества последователей, страстно и самозабвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Но, поскольку ислам больше чем религия, мусульманская цивилизация объединяет людей, которые при всем различии менталитета и обычаев осознают свою принадлежность к одной религиозной общности»⁴.

Данная емкая оценка содержит основные характеристики ислама, но, тем не менее, не позволяет ответить на вопрос, почему многие его приверженцы восприимчивы к тем идеям, которые для большинства представителей других религий осознаются как возвращение к средневековому варварству и мракобесию.

Можно объяснить конфликт мусульманских сообществ в западноевропейских странах неприятием тех изменений, которые произошли за последние десятилетия в демократических обществах в результате внедрения либеральных ценностей (легализация однополых браков, дискредитация семейных ценностей, свобода слова, в том числе в отношении исламских святынь, и т. д.).

В этой связи ислам рассматривается как альтернатива данному образу жизни, основанная на более справедливых и понятных для мусульман принципах. Однако возникает резонный вопрос, почему данный образ жизни в своей прежней стране обитания не устраивал мигрантов и они всеми правдами и неправдами стремились в западноевропейские страны? Многие мигранты позиционируют себя как вынужденных переселенцев, которые мигрировали из стран, где идет гражданская война или идут боевые действия с другими странами. В то же время исследования показывают, что значительная часть беженцев представляют собой экономических мигрантов, которые выехали в поисках лучшей жизни.

Возникает парадокс – людей не устраивает тот уровень жизни, который имеется в их родных странах (где ислам играет гораздо большую роль в определении параметров политического и социально-экономического устройства), но в Европе их не устраивает отсутствие возможностей вести образ жизни в соответствии с нормами ислама.

Можно с высокой долей вероятности предположить, что большую часть мигрантов устраивает ситуация в принявшей их стране, а сторонники террористов представляют собой лишь мизерную часть западноевропейских мусульман. Однако для рядового обывателя достаточно того факта, что организатор террористических актов длительное время укрывался беспрепятственно в мусульманском квартале Брюсселя, чтобы воспринимать всех мусульман как источник угрозы стабильности и европейских ценностей. Это тот источник угрозы, который не включает в себя всех мусульман, но представляет собой специфическую религиозную среду, постоянно воспроизводящую радикальный террористический элемент.

В определенной степени данная ситуация последствий глобализации может быть экстраполирована и на Россию. Несмотря на длительный опыт мирного проживания представителей различных религий в рамках Российской империи и в советский период, в российской истории име-

ются сложные и драматичные моменты, которые могут быть использованы для разжигания межрелигиозной и межэтнической вражды.

В советский период данная проблема была минимизирована не только в результате целенаправленной государственной политики по формированию дружбы между народами и такой же последовательной атеистической политики ослабления роли религии в обществе. Еще одна причина состояла в том, что сама идея коммунизма – строительство общества социальной справедливости – в значительной степени компенсировала религиозные ценности всех традиционных конфессий (в том числе и ислама).

Ситуация резко изменилась в 1990-е гг. С одной стороны, либерально-демократические преобразования создали благоприятные условия для возрождения ислама и других религий в российских регионах. С другой стороны, радикальные преобразования в социально-экономической сфере привели к существенному падению уровня жизни большинства населения и резкой поляризации российского общества. Это стало одной из причин недовольства существующей системой, которое отчасти проявилось в нарастании сепаратистских тенденций. Кроме того, в этот период значительно расширились возможности для духовного влияния на мусульман Российской Федерации со стороны Саудовской Аравии и других исламских стран.

В результате картина состояния исламского мира в России оказалась очень пестрой и противоречивой. Наряду с традиционным официальным вариантом ислама, представленным в Татарстане и других российских республиках и областях с мусульманским населением, в Дагестане и ряде других регионов появились исламские центры с его более радикальным вариантом. Возрождение ислама в постсоветской России чаще всего было встроено в контекст возрождения этнической самобытности и культурного своеобразия российских народов. Это еще больше усложняет картину исламского мира в современной России, особенно с учетом негативных последствий либерально-демократических социально-экономических преобразований 1990-х гг. По мнению исследовательницы И. Л. Бабич, «местная творческая и научная интеллигенция, главным образом среднего и старшего поколений, в значительной степени утратила свои сильные позиции авторитета в обществе и реноме законодателей общественной морали. Молодежь абсолютно потеряла ориентиры, частично уйдя в ислам»⁵. Однако значительная часть этой молодежи уходит не в традиционный ислам, руководство которого нашло консенсус со светскими властями на региональном и федеральном уровнях, а в тот ислам, сторонники которого резко критикуют существующую социально-экономическую систему, основанную на либеральных рыночных ценностях. В качестве альтернативы

рассматривается возврат к первоисточкам, к ценностям ислама времен пророка Мухаммеда.

Однако обращение к ценностям средневековой справедливости в той или иной степени актуализирует проблему создания исламского халифата и борьбу с неверными. Именно эти идеи становятся ключевыми в пропагандистской работе по привлечению сторонников ИГИЛ в различных регионах мира, в том числе и на постсоветском пространстве. По мнению Г. И. Мирского, «они убеждены, что их священный долг – защита ислама от наступления несправедливого и агрессивного Запада, стремящегося разложить и подорвать единственно истинную веру, лишит ислам его духовных ценностей, опустит мусульманскую “умму” на дно мирового сообщества, навсегда отнять у мусульман священный Иерусалим. Ради этого они готовы пожертвовать собой»⁶. В результате действий таких отдельных радикалов во многих западноевропейских странах растет недоверие к исламу в целом и усиливается исламофобия⁷. Наиболее жестким его проявлением стал расстрел, устроенный в Норвегии А. Брейвиком⁸, и усиление ультраправых группировок во многих европейских странах.

В целом, можно констатировать, что политика открытости и миграционные процессы в большинстве стран привели к тому, что традиционная конфигурация расселения мусульман за последние десятилетия существенно изменилась. Национальные государства с мусульманским населением в большинстве своем не смогли конкурировать по уровню и качеству жизни с западноевропейскими странами и стали источником потоков мигрантов в поисках лучшей жизни.

Значительная часть исламских государств была оформлена в результате процесса распада колониальных империй и представляет собой довольно пеструю картину с точки зрения политического устройства и уровня социально-экономического развития. Наличие серьезных внутренних противоречий (в том числе и на религиозной почве), кровопролитные конфликты (нередко подогреваемые извне⁹) привели к тому, что значительная часть государств арабского Востока превратилась в зону нестабильности и стала источником не только экономической, но и политической миграции в западноевропейские страны. Самым массовым ее проявлением стали потоки беженцев из Афганистана, Сирии, Ирака, Ливии, других государств Северной Африки в результате внутренних вооруженных конфликтов и военного вмешательства США и их союзников.

Данные потоки фактически носят нерегулируемый характер и, с одной стороны, актуализируют целый ряд застаревших политических проблем Европейского союза (прежде всего проблему интеграции беженцев в европейское сообщество), а с другой, создают ряд новых проблем во взаимоотношениях между членами ЕС в связи с угрозой массовой миграции мусульман.

Террористические акты во Франции и Бельгии, активная работа по вовлечению в ряды сообщников ИГИЛ европейских мусульман показали, что понятие «исламский мир» является для европейцев не только внешнеполитической проблемой, но и внутренней, нуждающейся в новом осмыслении и выработке новых политических подходов к ее решению. Это особенно важно с учетом усиления праворадикальных партий и расширением антиисламских настроений европейских обывателей.

Для России проблема «исламского мира» стала особенно актуальной внутренней проблемой с момента распада СССР и усиления роли религии в обществе в условиях постсоветских преобразований. Кроме того, после падения «железного занавеса» Россия оказалась втянута в процессы глобализации, которые оказали существенное негативное влияние на институционализацию «исламского мира» в России. Это предопределило наличие сложного симбиоза внутренних и внешних факторов, актуализирующих проблему ислама в современной России.

Как видится, для обеспечения стабильных межконфессиональных отношений и сохранения многовекового опыта мирного проживания мусульман и православных, представителей других традиционных религий в рамках единого Российского государства важно не демонизировать ислам как источник террористической угрозы, а вести постоянную разъяснительную работу с мусульманской молодежью о том, что возвращение к средневековым исламским нормам не способно привести к построению справедливого общества. Их абсолютизация (без учета конкретных условий возникновения) ведет лишь к возвращению кровопролитного варварского межрелигиоз-

УДК 323.1

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕННОСТИ ОСЕТИНСКОГО НАРОДА

И. Б. Санакоев

Владикавказский научный центр РАН
E-mail: inal59@mail.ru

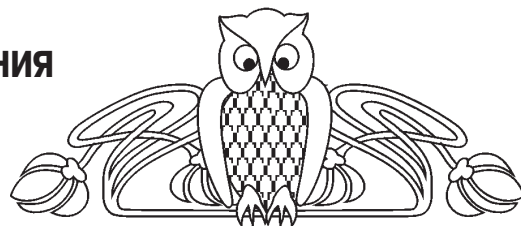
Статья посвящена исследованию идеи национального самоопределения Южной Осетии в контексте разделенности единого осетинского народа. В ней автор пытается проследить влияние ситуации этнической разделенности на формирование югоосетинской национальной идеи, а также роль, которую эта ситуация сыграла в процессе конечной реализации данной идеи.

Ключевые слова: этническая разделенность, идея национального самоопределения, политическая самоорганизация, политическая элита, идея объединения, внутреннее самоопределение, автономия.

ного антагонизма. Гораздо важнее учитывать положительный опыт и те религиозные традиции и ценности, которые позволяли мирно интегрировать «исламский», «православный», «протестантский», «иудейский», «буддистский» и иные миры в единое российское сообщество.

Примечания

- 1 Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир : проблемы адаптации // Полития. 2007. № 4 (47). С. 65.
- 2 Статья К. М. Труевцева была написана еще до успехов ИГИЛ в Ираке и Сирии.
- 3 Труевцев К. М. Указ. соч. С. 66.
- 4 Попов В. В. О роли исламского фактора. Цивилизационный аспект. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document154205.phtml> (дата обращения: 24.11.2015).
- 5 См.: Бабич И. Л. Поиски современной горской идеологии // Кавказ и глобализация. 2006. № 1. С. 164.
- 6 Мирский Г. И. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции / отв. ред. В. Г. Хорос. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 117.
- 7 См.: Бибикова О. П. Исламофобия на Западе и в России // Ислам в современном мире. 2015. Т. 11. № 2. С. 87–100
- 8 См.: Хокенос П. Он не одинок. Суд над норвежским массовым убийцей Андерсом Брейвиком – это только верхушка айсберга в беспокойном море радикальной исламофобии в Европе. URL: <http://www.inosmi.ru/europe/20120421/190916184.html> (дата обращения: 22.04.2012).
- 9 См., например: Вилков А. А. Родоплеменной и религиозный фактор в технологиях современных «цветных революций» (на примере Ливии) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 53–59.

The Idea of National Self-determination of South Ossetia in the Context of Separation of the Ossetian People

I. B. Sanakoev

This article explores the idea of national self-determination of South Ossetia in the context of the separation of Ossetian people. The author tries to explore the influence of the situation of ethnic division on the formation of the South Ossetian national idea and the role this situation has played in the process of final implementation of this idea.

Key words: ethnic division, idea of national self-determination, political self-organization, political elite, idea of reunification, internal self-determination, autonomy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-2-226-230